

Выходя на международную арену, спортсмен перестает принадлежать себе. Его достоинство, триумф и даже позор делятся на миллионы соотечественников.

И раз уж сейчас Цзю Шэн защищает флаг Государства Хуа, он не имеет права ударить в грязь лицом перед родиной.

Взгляд Цзю Шэна так и лучился вызовом. На фоне большинства фигуристов, похожих на хрупких эльфов и прекрасных фей, он впервые осмелился явить на льду подобную хищную дерзость.

Но именно эта первобытная экспрессия мгновенно взорвала зал. Свет софитов сфокусировался на Цзю Шэне, подчеркивая безупречную осанку и властную ауру, которая заставила затаить дыхание зрителей на трибунах и у экранов телевизоров.

Даже те, кто впервые слышал имя этого юноши, невольно поддались его магнетизму.

Невероятное зрелище!

Японский комментатор шумно сглотнул, следя за безупречной траекторией полета:

— Какая роскошная комбинация! И какой короткий заход! Похоже, в первой группе действительно скрывались тайные лидеры. Помимо тройки фаворитов во главе с Фигуристом Миядзаки, здесь выступает еще один гений, способный на столь виртуозный каскад!

У китайских болельщиков, следивших за трансляцией, кровь забурлила в жилах от восторга.

— А-а-а-а! Вот это мощь! С ходу выкатил такой козырь! Цзю Шэн, ты лучший, утер нос японцам! Пусть увидят, что наше фигурное катание на высоте!

— Чистейший тройной аксель — тройной тулуп прямо у меня на глазах! Не верю своим глазам! Цзю Шэн, я люблю тебя! Не зря ты лидер нашей юниорской сборной!

— Боже, это невероятно круто!

— Почему я не купила билет на арену?! Вживую это, наверное, вообще крышеснос!

Хирано Миядзаки, разминавшийся неподалеку, до этого момента безраздельно владел вниманием трибун.

Но стоило ему приготовиться купаться в овациях, как зал разразился новыми рукоплесканиями. Шум стоял такой, что легко мог соперничать с приветствиями в адрес хозяина турнира. Более того — как бы Миядзаки ни пытался гнать от себя эту мысль, — чужаку аплодировали жарче.

Кто? Кто это сделал?

Неужели Степан?

Из всех присутствующих только этот русский был способен вызвать столь бурную реакцию зрителей.

Миядзаки отыскал взглядом Степана, но тот стоял посреди катка абсолютно неподвижно. Его глаза были устремлены в сторону японца, однако смотрели сквозь него — они намертво зафиксировали кого-то у него за спиной. В этом взгляде читалось напряженное, острое удивление.

Очевидно, трибуны чествовали не его.

А ведь Степан считался признанным гением, сумевшим пробиться на вершину в самой России, где плотность талантов зашкаливала. И тем не менее, овации предназначались кому-то другому.

За годы соперничества Миядзаки еще никогда не видел у русского столь пронзительного, колющего взгляда. Словно воин, обнаживший меч перед выползающим из пещеры драконом.

Не только русский — Джим, Ким Ко-ын и остальные тоже во все глаза смотрели назад. Их мимика выдавала гамму эмоций, прежде не виданную японцем: отчаянный азарт перед встречей с сильным соперником и глухую, настороженную тревогу.

Кто же заставил этих титанов так напрячься?

Сделав глубокий вдох, Миядзаки медленно обернулся. За его спиной стоял лишь один человек.

Цзю Шэн.

Все взгляды скрестились на нем!

Сидевшие у самого борта японские болельщики бурно обсуждали случившееся, и их восторженные голоса долетали до ушей фигуриста.

Маленький мальчик заворуженно смотрел на скользящего по катку Цзю Шэна:

— Мама, этот парень просто невероятный!

— Да, потрясающее зрелище, — согласилась мать. — Выдать безупречный тройной аксель — тройной тулуп, без малейшего недокрута и с идеальным выездом — это высший пилотаж. Но наш Господин Миядзаки тоже силен. Будем верить в него.

От этих слов у Миядзаки зашумело в ушах, а мысли пустились вскачь.

Тройной аксель — тройной тулуп? Прямо на разминке?

Из всех тройных прыжков аксель — самый коварный и сложный, его и во взрослом-то разряде не каждый исполнит без помарок. А поставить его в каскад — задача почти невыполнимая. И этот китаец выкатил его на обычной шестиминутной разминке?

Разве он не должен беречь силы? Держать козырь при себе, чтобы ошеломить публику во время официального проката?

На обычной разминке Цзю Шэн без лишних церемоний украл все внимание, предназначавшееся хозяину турнира. Гордо вскинутый подбородок и огненно-красный костюм для фигурного катания полыхали на льду, словно пожар, бесцеремонно и властно заявляя о приходе нового фаворита.

Благодаря этому прыжку трибуны впервые за сегодня по-настоящему ожили.

Миядзаки почувствовал, как к горлу подкатывает глухая обида. Стиснув зубы, он буравил китайца тяжелым взглядом.

Первым, кто заставил зал реветь от восторга, оказался не он, а этот выскочка...

Ши Ся сидела на трибуне. Будучи преданной поклонницей Цзю Шэна, она просто не могла пропустить его международный дебют.

Выложив кругленькую сумму за билет на центральный сектор, она всю размахивала огромным баннером и национальным флагом.

Ши Ся всерьез опасалась, что на незнакомом катке Цзю Шэн долго будет ловить рабочий настрой, но кто же мог подумать, что он выдаст такой шедевр на первой же разминке!

Девушка прижала ладони к губам, не в силах сдержать слезы радости.

Она невольно вспомнила их первую встречу и его тогдашний тройной тулуп. Прошло всего несколько месяцев, а его прыжковый арсенал изменился до неузнаваемости.

Прыжок был исполнен в непосредственной близости от ее трибуны. Цзю Шэн тяжело дышал, пот градом катился по лицу и шее, пропитывая ткань яркого костюма для фигурного катания, но это лишь добавляло ему брутальности. В его движениях сквозила латиноамериканская страсть — дикая, первобытная грация и непреодолимое желание сокрушить любого соперника.

Стоило парню исполнить сложную комбинацию, как усталость дала о себе знать: он тяжело дышал, ткань на его спине потемнела от влаги.

Миядзаки подъехал к нему почти вплотную и процедил на ломаном английском:

— А ты хорош. Нагло украл мое шоу.

Уголками губ Цзю Шэна поползли вверх:

— Польщен, премного благодарен.

На его лице играла мягкая, обезоруживающая улыбка, словно он и не заметил сочащегося в чужих словах яда.

Однако подобная вежливая глухота была без промаха. Сам китаец не пострадал ни на йоту, а вот японец едва не задохнулся от ярости.

Миядзаки хотел было вставить веское слово, но его скромный английский лексикон иссяк, и ему оставалось лишь злобно крутануться на коньках и уехать прочь.

Теперь решимость японца была крепка как никогда.

Он обязан раздавить Цзю Шэна в короткой программе и наглядно показать, кто здесь истинный хозяин льда! Он заставит родные трибуны биться в экстазе!

Глядя на напряженную спину уезжающего соперника, Цзю Шэн предвкушающе облизал губы.

Парень наконец-то разозлился всерьез. Что ж, тем интереснее будет схватка.

Он развернулся к трибунам, окинув взглядом чужой лед.

Это была международная арена — предел мечтаний любого фигуриста.

Но ему этого мало. Сейчас этого было чертовски мало! Одной лишь причастности к турниру не хватало, чтобы насытить его эго. Он жаждал взойти на пьедестал почета — тот, что сиял куда ярче скромной тумбы на Чемпионате Китая по фигурному катанию.

После национального первенства Цзю Шэн делал вид, что серебро его не расстроило. Но себя-то не обманешь. В глубине души он злился до безумия. Ему была жизненно необходима победа, чтобы унять этот зудящий изнутри голод.

Это наваждение преследовало его неделями, а здесь, на Юниорском чемпионате мира по фигурному катанию, разгорелось с новой силой.

Пламя амбиций выжигало мысли, лишая сна. Он хотел сжать в ладони заветный кругляк медали, согреть его теплом собственной ладони.

Цзю Шэн прекрасно знал это состояние. Одержимость лидерством, синдром отличника.

Но он не собирался бороться с этой болезнью. Напротив, он хотел, чтобы это пламя горело в нем как можно дольше. Вечно.

С лихорадочным блеском в глазах он зашел на еще несколько сложнее прыжков, заставив трибуны взречь от восторга. Публика бесновалась, словно на трибунах во время решающего пенальти в футбольном финале.

«Безумец, псих, самоубийца» — именно такими эпитетами Сюй Чжоу обычно награждал своего подопечного. И все же, наблюдая за его неистовством на шестиминутной разминке, тренер опешил.

И всерьез затрепетал от страха.

«Черт бы тебя побрал, мелкий паршивец, ты хоть немного силы беречь умеешь?!» — мысленно бушевал наставник, чувствуя, как закипает кровь от злости.

Шесть минут пролетели как одно мгновение. Цзю Шэн нехотя покинул площадку.

Досадно вздохнув, он промотал:

— И почему разминка такая короткая?

В отличие от большинства коллег по цеху, Цзю Шэн обожал суету совместных разминок. Толчая на льду с сильными соперниками дарил мощный выброс адреналина, а любой удачный прыжок конкурента действовал на него как красная тряпка на быка.

Но больше всего он любил те минуты, когда оставался на льду один, безраздельно владея вниманием беснующейся толпы.

Услышав это ворчание, Сюй Чжоу не удержался и отвесил ему легкий подзатыльник:

— Ты бы еще всю короткую программу прямо на разминке откатал! Получишь у меня сейчас.

Цзю Шэн невинно захлопал ресницами:

— Ну что вы, тренер, как можно?

Находясь в приподнятом настроении, юноша позволил себе секундную слабость и состроил умильную рожицу.

С тех пор как Сюй Чжоу взял его под крыло, парень казался суровым, заикленным на работе роботом. Столкнувшись с такой обезоруживающей милотой, тридцатилетний наставник едва не растаял.

«Черт, это запрещенный прием! До чего же очаровательно!»

После разминки судейская коллегия объявила о старте коротких программ.

Открывать выступления в своей группе выпало Хирано Миядзаки — крайне невыгодная стартовая позиция.

Как правило, чтобы не задирать планку для последующих участников, первому фигуристу судьи сознательно придерживают оценки.

Однако турнир принимала Япония, и домашнее судейство наверняка сделает все, чтобы их фаворита не обделили баллами. Скорее всего, оценки Миядзаки окажутся даже щедрее обычного.

Стоило японцу ступить на лед, как объективы всех телекамер сфокусировались на нем, а местный комментатор в привычной пафосной манере зашелся в экстазе:

— На каток выходит наш Господин Миядзаки! Супер-темный верховный владыка демонов японского фигурного катания явился миру! Трепещите, смертные, ибо пришел истинный триумфатор!

Невероятная поддержка трибун наполнила душу Миядзаки сладкой гордостью.

Но стоило ему вспомнить, как те же люди мгновением ранее аплодировали китайцу, довольное выражение сползло с его лица.

Сделав глубокий выдох, он попытался сосредоточиться.

Впрочем, дело было не только в Цзю Шэне.

Миядзаки бросил быстрый взгляд на VIP-трибуну у бортика.

Там, скрестив руки на груди, стоял стройный юноша лет двадцати с ледяным выражением лица.

Заметив его, японец сглотнул ком в горле и поспешно отвел глаза.

Японский комментатор не упустил случая вставить реплику:

— Какая неожиданность! На трибунах присутствует старший товарищ нашего фигуриста — сам Фудзии-кун! Похоже, он возлагает огромные надежды на своего младшего коллегу.

Мацуно Фудзии — признанный лидер мужского одиночного катания в Японии. Его статус на родине был сопоставим со статусом легендарного Цинь Бая в Хуаго. На сегодняшний день он оставался единственным японцем, входящим в топ-10 мирового рейтинга.

— Поговаривают, что Миядзаки-тян до дрожи боится своего старшего товарища, и, кажется, эти слухи небезосновательны!

Присутствие Мацуно Фудзии заставило фигуриста понервничать, но он волевым усилием взял себя в руки.

Нельзя раскисать. Он помнил, ради чего пришел сюда.

Он должен защитить честь страны!

Зазвучали первые аккорды, возвещая о начале проката.

Черно-белый костюм Миядзаки был щедро украшен перьями и мерцающими стразами.

Для короткой программы он выбрал экспрессивное произведение «Рай и ад».

Образ фигуриста идеально соответствовал музыке, делая его похожим на причудливый гибрид

ангела и демона.

Однако фигурное катание — не показ мод.

И Миядзаки, как искушенный спортсмен, прекрасно это понимал.

Композиция «Рай и ад» повествовала о вечном противостоянии заклятых соперников, чья ненависть переплетена со взаимным притяжением.

Для юниора выбор столь сложной темы был весьма рискованным шагом.

Но благодаря динамичному ритму и мощному звучанию инструментов музыка легко заводила трибуны. Даже при некотором дефиците артистизма чистые прыжки, выполненные точно в акценты, могли гарантировать высокие баллы за компоненты программы.

Более того, сегодня японец превзошел сам себя — вызов Цзю Шэна явно подействовал на него как мощный катализатор.

Вдобавок, провалиться на глазах у родной публики для него было бы несмываемым позором.

Музыка нарастала, приближая время первого прыжка.

Миядзаки заявил на старте тройной аксель. Он решил сразу пойти с козырей, намереваясь взорвать зал с первых же секунд!

Японский комментатор сорвался на визг:

— Тройной аксель! Господин Миядзаки просто великолепен! Он зашел на этот самый сложный прыжок в самом дебюте программы!

Лицо фигуриста оставалось маской сосредоточенности.

Обычно статистика его тройного акселя на соревнованиях составляла пятьдесят на пятьдесят — чистая потеря.

Но сейчас те, кто знал японца близко, заметили: его взгляд горел совершенно нетипичным, яростным упрямством.

Сгруппировавшись в воздухе, он закрутился с бешеной скоростью, а затем плавно выехал на лед. Прыжок удался!

Мацуно Фудзии у бортика изумленно приподнял брови.

Выезд получился на редкость чистым. Даже на тренировках младший коллега редко исполнял аксель столь безукоризненно.

Фудзии перевел взгляд на Цзю Шэна, внимательно следившего за соперником.

Кто бы мог подумать, что этот парень из Хуаго сумеет так расшевелить его вечно сомневающегося преемника.

Выдав безупречный прыжок, Миядзаки мысленно возликовал. Кажется, он утер нос этому наглецу.

Но расслабляться было рано. Скрипичный пассаж уже вел его к следующему прыжковому элементу.

На очереди стоял четверной тулуп — единственный квад в его арсенале.

Он освоил его совсем недавно, практически одновременно с Цзю Шэном, но сегодня исполнил элемент с поистине гроссмейстерской уверенностью.

Наблюдая за чистым прокатом японца, Сюй Чжоу обеспокоенно покосился на стоявшего рядом ученика.

«У всех претендентов на медали запредельная сложность. Что же ты противопоставишь им, Цзю Шэн?»

Когда тренер снова повернулся к катку, программа Миядзаки подошла к концу.

Арена содрогнулась от оваций, и по рядам пронеслось заветное: «Чистый прокат».

Лицо Сюй Чжоу потемнело.

Чистый прокат.

Этот паршивец откатал короткую программу без единой помарки!

«Чистый прокат» — заветная мечта любого фигуриста. Это означает абсолютное отсутствие ошибок, когда за каждый технический элемент судьи выставляют только плюсы в графе надбавок за исполнение.

Добиться такого крайне трудно. Многие за всю карьеру не выдают ни одного подобного выступления.

Для Миядзаки это выступление стало первым и пока единственным безупречным прокатом в юниорской карьере.

Кто бы мог подумать, что дерзкая выходка Цзю Шэна разбудит в нем зверя и поможет выдать лучший прокат в жизни на этом чемпионате!

«И дернул же тебя черт лезть на рожон!» — Сюй Чжоу едва сдерживал желание хорошенько встряхнуть своего ученика.

Но взглянув на Цзю Шэна, он обнаружил, что тот вовсе не напуган. Напротив, в его глазах плясали веселые искры, а на губах играла предвкушающая улыбка.

У наставника внутри все закипело от злости.

«Смейся, смейся. Посмотрю я на тебя, если ты провалишь выступление».

Вскоре на табло высветились оценки Миядзаки.

Компоненты — 36.23, техника — 49.38. Сумма за короткую программу: 85.61 балла!

На международных стартах арбитры традиционно строже и не разбрасываются баллами так щедро, как на внутренних первенствах.

Поэтому 85.61 балла в короткой программе — результат гроссмейстерский. В прежние годы с такой суммой легко гарантировали себе место в призовой тройке, а при слабом составе соперников — и вовсе промежуточное лидерство.

Для стартового номера японец выступил не просто отлично — это был триумф.

Трибуны неистовствовали, стены ледового дворца содрогались от оглушительных криков:

— А-а-а-а! Господин Миядзаки! Мы любим тебя! Ты лучший!

— Жми до конца, золото должно быть твоим! Стань первым чемпионом Японии за последние двадцать лет!

Оказавшись в эпицентре бушующей японской толпы, Ши Ся мертвой хваткой вцепилась в свой баннер.

«Цзю Шэн, умоляю, только не подведи!»

Следом за Миядзаки на лед должен был выйти главный фаворит турнира.

Без преувеличения, львиная доля интриги этого Юниорского чемпионата мира по фигурному катанию была завязана на Степане.

Даже безупречное выступление японца, установившего личный рекорд, едва ли могло всерьез пошатнуть уверенность русского фигуриста.

Когда Степан выехал на лед, Сюй Чжоу вполголоса произнес:

— Цзю Шэн, смотри внимательно. Вот твой главный соперник на этом турнире.

При всем уважении к неожиданному прорыву японца, Степан оставался неоспоримым королем этой ледовой арены. Остальные на его фоне выглядели лишь скромной свитой.

Радость японского комментатора мгновенно улетучилась, уступив место тревоге:

— На каток выходит фигурист Степан. Каким шедевром он поразит нас на этот раз?..

Степан просто замер в стартовой позе, но от его фигуры веяло таким непоколебимым величием, словно он уже примерил золотую медаль и взирал на всех с вершины Олимпа.

Ван Ли, комментирующий трансляцию для китайских зрителей, глухо произнес:

— Стоит напомнить, что именно Степан является действующим чемпионом Юниорского чемпионата мира по фигурному катанию.

С его железным характером он приехал сюда только за защитой титула. И отдавать победу без боя этот парень явно не планировал.

Зазвучала музыка. Для короткой программы Степан выбрал композицию «Ледяное озеро».

Эта традиционная русская мелодия рисовала в воображении суровые, но величественные картины зимней природы.

Он начал программу со спирали в ласточке. С первыми аккордами его взгляд преобразился — стал холодным и твердым, как закаленная сталь, излучая несокрушимую волю к победе.

Сюй Чжоу, замороженный мощным катанием русского, украдкой глянул на стоявшего рядом ученика.

«Эти двое... они удивительно похожи в своей отчаянной, граничащей с безумием манере борьбы».

Степан был очень худым — впрочем, как и большинство одиночников, которые из-за астеничного телосложения порой казались хрупкими юношами.

Но никто на арене не посмел бы усомниться в его силе. Перед ними стоял грозный хозяин льда.

Как и предполагал Ван Ли, Степан нацелился исключительно на золото.

Раз уж он выиграл прошлый чемпионат, то и в этот раз собирался доказать свое превосходство.

Он жаждал защитить титул.

Степан в процессе скольжения бросил быстрый взгляд на бортик и встретился глазами с Цзю Шэном, который наблюдал за ним с легким прищуром.

Русский видел его каскад на разминке. Многие исполняли этот элемент, но в прыжке китайца сквозила какая-то отчаянная, самоубийственная удаль, которой Степан не встречал даже на родине.

Но на этом его удивление закончилось.

Победить всегда должна Россия!

Доминирование его страны на льду не подлежит сомнению.

С этой мыслью он безупречно исполнил тройной лутц.

Идеальное приземление, чистые линии. Судьи щедро оценили элемент, добавив к базовой стоимости солидные 1.77 балла надбавки.

Зал взорвался аплодисментами.

Японский комментатор с тяжелым вздохом констатировал:

— Потрясающее исполнение! Похоже, нашему Фигуристу Миядзаки придется несладко!

Выполнив вращение, Степан зашел на каскад четверной тулуп — тройной тулуп.

В короткой программе он отказался от четверного сальхова — прыжка, который покорялся ему на соревнованиях лишь раз.

Базовая стоимость каскада четверной тулуп — тройной тулуп составляла внушительные 13.70 балла, что на полтора балла выше, чем у каскада тройной аксель — тройной тулуп Цзю Шэна.

Это был самый дорогой элемент во всей короткой программе.

Русский исполнил его без единой помарки, снова получив отличные плюсы от судей.

Последним прыжковым элементом, обязательным для короткой программы, стал тройной аксель.

Музыка стихла. Зал замер, понимая: Степан выдал чистый прокат. Еще одно чистое выступление вслед за японцем!

Два чистых проката подряд на одном турнире — небывалая редкость для юниоров. Соревнования превращались в настоящую бойню!

Лицо Миядзаки потемнело.

Едва он успел насладиться своим триумфом, как русский тут же затмил его достижение, выдав аналогичный чистый прокат с более высокой сложностью. Радоваться тут было нечему.

На табло загорелись цифры Степана: 89.35 балла (компоненты — 36.37, техника — 52.98).

Невероятный результат!

Мировой рекорд среди юниоров в короткой программе составлял 89.78 балла. Русскому не хватило сущих крох, чтобы переписать историю.

Эти цифры вызвали у кого-то вздох облегчения, а у кого-то — горькое разочарование.

В чатах трансляции началось настоящее паломничество фанатов.

— Ну и жара на этом Юниорском чемпионате мира по фигурному катанию! Первые два

участника выдают чистейшие прокаты! Сколько лет смотрю фигурку, такого накала не припомню!

— Боже, как обидно за Степана! Буквально чуть-чуть не хватило до мирового рекорда! Всего 0,43 балла! Была бы разница больше, так не бомбило бы!

— А-а-а-а, ну почему-у-у-у! Я так хотела увидеть новый рекорд! Жизнь несправедлива!

Сам Степан тоже не скрывал злости.

Он в ярости припечатал кулак к пластиковому борту.

Он был уверен, что заберет этот рекорд, но судьба посмеялась над ним, лишив триумфа из-за каких-то ничтожных 0.43 балла!

Телевизионные камеры крупным планом выхватили этот жест отчаяния и злости.

— Ого, типичный русский характер! Даже в таком изящном спорте эмоции бьют через край.

— Да Степан всегда был вспыльчивым. Говорят, в своей школе он знатным хулиганом был, дрался чаще, чем медали получал!

— Ха-ха-ха, это даже мило!

— И все же, хоть он и не побил рекорд, этот результат — жесткий психологический прессинг для всех, кто выступает следом.

— Это точно.

— Представьте: выступили всего двое, оба выдали чистейшие прокаты, а один почти побил мировой рекорд. Будь я на месте остальных ребят, у меня бы уже колени затряслись.

Опасения зрителей подтвердились незамедлительно. Выступавший следом американец Джим полностью провалил короткую программу, сорвав половину элементов. Его прокат напоминал кошмарное выступление Цзю Ли на Чемпионате Китая по фигурному катанию.

При чистом исполнении он легко мог рассчитывать на оценку выше восьмидесяти баллов, но под давлением довольствовался скромными семьюдесятью с небольшим.

— Эх, безумно жаль Джима. Откатай он чисто, промежуточная тройка была бы у него в кармане.

— Сдали нервы. Когда перед тобой выкатывают два безупречных проката подряд, сложно сохранить самообладание.

— А кто там следующий за ним?

— Вроде какой-то Цзю Шэн.

— Цзю Шэн? Из Китая? Вот если бы приехал их Цзю Ли, было бы на что посмотреть, а это имя я вообще впервые слышу.

— Да это же тот самый парень, который на разминке крутейший каскад тройной аксель — тройной тулуп выдал!

— Ого, так это он? Прыжок был мощный, спору нет. Но сможет ли он повторить его под таким давлением в официальном прокате?

Иностранные любители фигурного катания не ждали от Цзю Шэна особых свершений.

Если техничный американец сломался под гнетом безупречных результатов соперников, то новичок из Государства Хуа и подавно был обречен на провал.

Зрители у экранов уже предвкушали очередное падение.

В Хуаго же царила совсем иная атмосфера. Болельщики замерли в томительном ожидании.

Комментатор Ван Ли выглядел бледным и взволнованным, словно сам готовился сдавать важнейший в жизни экзамен:

— А теперь на лед выйдет наш юный соотечественник — Цзю Шэн. Это его дебют на международной арене. Пожелаем ему удачи.

С появлением фигуриста на экране чат трансляции буквально взорвался:

— Выходит, выходит! Цзю Шэн, держись, только не нервничай!

— Удачи! Даже если что-то пойдет не так, мы все равно с тобой! Никакого давления!

— Какое «не так»? Все будет идеально! Верим в нашего парня!

Не подозревая о царящей на родине панике, Цзю Шэн концентрировался на выступлении. Он

шел дарить зрителям шедевр.

В этот момент самые внимательные болельщики заметили одну важную деталь.

На алом костюме для фигурного катания фигуриста красовалась нашивка с государственным флагом Государства Хуа.

Красное полотно нашивки сливалось с цветом ткани, но золотые звезды сияли на груди невероятно ярко, приковывая взгляд.

Увидев этот символ, отечественные фанаты не смогли сдержать слез. У Ван Ли перехватило дыхание, и после секундной паузы он глухо произнес:

— Будем надеяться, что наш юный фигурист сумеет справиться с этим колоссальным давлением.

Цзю Шэн скользнул в центр площадки. Свет софитов преломился в маленькой серьге-гвоздике.

Парень бросил короткий взгляд в сторону Миядзаки.

Представитель Государства Хуа просто не имел права проиграть здесь, в Японии. И плевать, что двое его соперников уже выдали чистейшие прокаты.

В конце концов, крушить чужие триумфы — его любимое занятие.

Цзю Шэн слегка приподнял бровь. В его взгляде разгорался дикий, безумный азарт, а зрачки расширились от прилива адреналина.

Он обещал, что победит на этом турнире.

А раз пообещал — значит, расшибется в лепешку, но заберет свое золото!

<http://bllate.org/book/20292/2145406>